

Татьяна Б. Карпова (Пермь)

Состояние дискурса рунета как русскоязычного сектора интернета¹

Ключные речи:
функционирование языка, компьютерные технологии, коммуникация в интернете, субкультура, особенности дискурса рунета (русскоязычного интернета).

У раду се расветљавају базичне категорије (виртуелност, приступачност, мултимедијалност, интерактивност, хипертекстуалност) које чине спецификум електронског дискурса, тј. таква својства као вишеслојност, приближавање усмене и писане форме говора, сажетост, фатичност, експресивност, креативност и друге, које све заједно одређују стање (квалитет) савременог дискурса рускојезичног интернета односно рунета.

Наступление сплошной компьютеризации, внедрение информационных технологий, а также широкое распространение эклектичного постмодернистского мировоззрения привело к тому, что одной из важнейших сфер существования современного человека стала виртуальная реальность, сформировавшая, в свою очередь, новую междисциплинарную отрасль знания – виртуалистику [Ким 2008: 208]. В рамках данного исследова-

тельского поля попытаемся рассмотреть сущностные признаки виртуального дискурса (в нашем случае дискурса рунета). Сначала назовем базовые категории, формирующие специфику электронного дискурса и предопределяющие как содержание, так и форму коммуникации в сетевом пространстве.

Виртуальность. Электронная форма репрезентации является основой новых

1) Работа выполнена в рамках проекта ргнф (грант № 09-04-82408 а/у).

представлений о материальном носителе текста и рождает оппозицию «бумажный – электронный текст». Электронная технология лишает автора и читателя прямого доступа к тексту, поскольку компьютер хранит информацию в бинарном цифровом коде: вызываемый на экран текст есть лишь временная форма буквенного, языкового выражения этого кода. Иными словами, все электронные тексты виртуальны: каждый раз на компьютерном экране пользователя возникает его индивидуальная новая версия, тогда как оригинал существует лишь в памяти компьютера [Рязанцева 2009: 11]. Сочетание слов *виртуальный* (не имеющийся в действительности или не находящийся там, где мы думаем [Косцов 2004: 236]) и *реальность* представляет собой совмещение несовместимого (оксюморон) и такой образной формой подчеркивает, во-первых, иллюзорность окружающего мира, создающуюся при помощи компьютера, а во-вторых, все же мнимый характер этой иллюзорности: виртуальный дискурс не менее реален, чем любой другой тип дискурса (так же, как реален и язык виртуальной реальности). Ср. высказывание об этом В. Г. Костомарова: «... виртуальный мир «голубого нигде» лишь притворяется виртуальным, далеким от мира реального» [Костомаров 2005: 184].

Доступность. Это возможность мгновенного распространения текстовой информации в компьютерной сети вне зависимости от физического местонахождения читателя. Действительно, интернет доступен для официального и неофициального общения людям, живущим в разных точках планеты, в режиме реального времени и асинхронно (отсроченной коммуникации).

Мультимедийность. Это свойство определяет возможность интеграции текста с другими семиотическими системами, т.е. параллельного функционирования информации в различных коммуникативных средах. И хотя роль невербальной информации – ее графических (фото, живопись и т.д.) и динамических форм (звук, музыка, кино, видео) – в электронной коммуникации постоянно возрастает, все же именно вербальная форма остается здесь основной формой существования, хранения, обработки и обмена информации и составляет более 90 % всей информации в электронных сетях [Рязанцева 2009: 9].

Интерактивность. Представление электронного текста в файлах и блоках данных обеспечивает широкие возможности проведения различных операций (внесение изменений, удаление, добавление частей и т.д.), создания и функционирования частей текста независимо друг от друга. С данным техническим свойством связывают тенденцию к усилению адресованности (или диалогичности) изложения, выражающуюся, с одной стороны, в экспликации своего «я», с другой, в обращенности к адресату [Шипицина 2008: 414].

Гипертекстуальность, нелинейность. Если печатный текст сформировал последовательный линейный характер развертывания информации, то электронный текст предлагает нелинейное развертывание и восприятие информации. Гипертекст является основой новой речевой среды, особым видом письменной коммуникации, своеобразной формой организации письменного текста, опосредованной компьютерной средой и характеризующейся процессом нелинейного письма

и чтения. Он организован по принципу иерархической связанности с другими фрагментами текста и предоставляет возможность множественного выбора сюжетно-тематического потока на основе ассоциативных связей и в соответствии с индивидуальными потребностями читателя. В результате взаимосвязи отдельных сегментов (гипотекстов) образуется «над» или «гипер» текст – семантическая сеть текстов, содержащая перекрестные ссылки и обладающая специфическими средствами навигации. Такая сеть обладает возможностью непрерывного разрастания и создает особую информационно-коммуникативную среду [Рязанцева 2009: 7]. В основе организации гипертекста лежит идея семантической сети, узлами которой являются части (блоки) текста, а петлями – смысловые связи между текстовыми блоками. Это влечет за собой изменение соотношения целого текста и его частей: каждая часть становится более самостоятельной и краткой. Важными становятся заголовки этих частей, выступающие как гиперссылки. Гипертекстовая организация обуславливает «мозаичный», «кластерный» характер текста в интернете [Шипицина 2008: 413].

Названные категории являются базовыми для интернет-коммуникации и формируют следующие ее доминантные свойства, которые в совокупности и определяют состояние (качество) современного дискурса русскоязычного интернета.

Многомерность, «картинность». Вспомним, что первобытное, архаическое мышление было по преимуществу образным, «правополушарным». Дальнейший многотысячелетний ход эволюции культуры и науки, в особенности западной, привел к всестороннему развитию логических,

аналитических, вербальных (языковых), речевых средств обработки информации и презентации знаний, основанных на логико-понятийном, «левополушарном» мышлении. При этом наглядность и образность архаического мышления была во многом утрачена. Теперь же, с развитием новых технологий, открываются возможности для синтеза видео, аудио, текстуальных и других средств передачи информации, то есть для одновременного использования преимуществ «левополушарного» (логико-понятийного) и «правополушарного» (наглядно-образного) мышления. Связывая живую разговорную стихию с так называемой экранной культурой изображения, к которой мы все заметнее переходим от культуры книжной, В. Г. Костомаров пишет: «... нынешний мир вообще становится все «менее лингвистичным», возвращаясь, разумеется, на новой основе к более естественному «миру рисунка»... Виртуальный мир «голубого нигде», открытый техникой фиксации, хранения и воспроизведения изображения, звучания, движения, цвета, устранил неизбежность облачения информации в языковую форму. Люди все чаще обращаются к изобразительным приемам оформления информации, все охотнее пользуются символикой или иероглификой, приобретающей международный характер» [там же: 213–214]. Современные тексты становятся гетерогенными, гибридными, поликодовыми, креолизованными, совмещающими в себе коды разных семиотических систем [Чернявская 2008]. В интернете эта особенность «картинного» восприятия мира современного человека отразилась, например, в своеобразной азбуке эмоций – эмограммах (смайлах) – стилизованном изображении мимики человеческого лица, сочетаниях разного

рода знаков и символов. Пользователи интернета часто прибегают и к другим графическим, неязыковым средствам общения, таким как пунктуационные знаки (например, многократное использование восклицательного или вопросительного знаков), знаки математических и логических операций, пробелы, использование заглавных букв и т.д. Например: *100ловая*, *кRUтой*, *куПИКквартиру* (слоган строительной компании «Пик»), *7Я*, *СемьЯ* (название сети магазинов), *МАГиЯ* (название парикмахерской). Такие средства усиливают графическую «картинность», изобразительность интернет-текстов, явно разнообразят их линейную монотонность.

Сближение (конвергенция) устной и письменной форм речи. Это свойство интернета определяют еще как слияние книжности и разговорности. Так, Г. Н. Трофимова считает, что в интернете наблюдается письменная фиксация спонтанной устной разговорной речи, то есть возникла письменная разговорная речь [Трофимова 2004]. О «спонтанной письменной речи», о «выражении мыслей вслух в письменном виде» говорит Л. Г. Ковальская [Ковальская 2003: 74]. В. Г. Костомаров метафорически характеризует книжность и разговорность в сети как объединение двух «стилевых царств», как «особое промежуточное междуцарствие» [Костомаров 2005: 183], разрушающее «великую китайскую стену между разговорными и книжными текстами» [там же: 203]. Действительно, «обожествление» в российском обществе письменной формы проходит, к устной форме возвращается признание ее весомости. В сети это проявляется прежде всего в «снижении стиля»: отсутствии стилистических запретов, толерантном отношении к грамматическим

ошибкам, формировании компьютерно-сетевого диалекта и т.д. Ср. типичные примеры нарушений орфографической оформленности слов, создающих иллюзию устности речи: *Здрaсте* (здравствуйте), *ниче* (ничего), *щa, щaс* (сейчас), *вaще* (вообще), *бум* (будем), *лaнна* (ладно), *собсно* (собственно), *хочицца* (хочется).

Сжатость, компрессированность. Это свойство дискурса в рунете Т. И. Рязанцева назвала принципом экономии [Рязанцева 2009: 191]. Имеется в виду экономия как временная, так и финансовая: чем больше и дольше говоришь, тем больше платишь, а потому экономичнее речь сжатая, компрессированная, но информационно насыщенная, плотная. Поскольку коммуникация в электронном формате может проходить как в реальном времени, так и асинхронно, в нем присутствуют как стратегия семантической компрессии (характерна для письменной речи), так и семантического развертывания информации (характерно для устной речи). Смыслы могут выражаться как имплицитно (например, путем непосредственного отражения эмоций в смайлах), так и эксплицитно (например, за счет почти безграничного экстенсивного расширения информации путем активизации гиперссылок) [там же: 212]. При этом использование тех же смайлов, аббревиатур, многочисленные случаи терминологических сокращений, множественный повтор буквенных и пунктуационных символов, использование только заглавных букв и сочетание этих приемов часто связано с импликацией дополнительных смыслов, что, несомненно, повышает информационную насыщенность текста. Ярким примером повышенной информационной плотности теста служат единицы, которые в большом количестве используются, например, в

сетевых СМИ и которые по-разному называют лингвисты (лингвокультуремами, прецедентными феноменами, логоэпистемами и т.д.), но суть их одна: «сказав мало, сказать многое» [Бурвикова, Костомаров 2006: 24]. Часто они используются в качестве заголовков-«крючков», которые находятся на поверхности гипертекста и призваны заинтересовать читателя, чтобы он продолжил свою навигацию по сети [Карпова 2007].

Личность. При переходе от индустриального общества к информационному человеку важно почувствовать себя субъектом не только социального бытия, но и бытия информационного, потенциального. Интернет является идеальным местом для проявления себя, для всевозможных экспериментов языковой личности с собственной идентичностью. Вечная проблема множественности Я приобретает здесь новое звучание. Поскольку виртуальное пространство вербальное, на первый план в нем выступает самописание, самопрезентация. В условиях виртуальной реальности поиск идентичности порождает множество вариантов самопрезентации, предъявления некой информации о себе. При этом языковая личность использует различные стратегии и тактики представления себя по своему выбору, управляя впечатлением о себе. Если в реальном социальном взаимодействии человек ограничен в возможностях управления информацией о себе рамками реально воспринимаемого собеседником пола, внешности, признаков социального статуса, профессии, национальности, возраста, то в интернете все зависит от желания и умения пользователя быть разным. В рунете наиболее отчетливо проявляются две противоположные стратегии само-

выражения личности: с одной стороны, стратегия совпадения виртуальной и реальной личности, отсутствия игры с собственной идентичностью, а с другой стороны, наоборот, стратегия игры, экспериментов с собственной идентичностью. Очень часто доминирует вторая и существует во множестве вариаций. Этому способствуют как сам демократический дух новой речевой среды и такие ее свойства, как анонимность, дистантность, безопасность коммуникации, так и черты эпохи постмодернизма, когда человек стремится открыть в себе новые грани, причем часто через разрушение социокультурных стереотипов и норм. Выбор стратегии самопрезентации определяется многими факторами. Прежде всего, целью, с которой человек вступает в интернет-общение, и теми жанровыми формами, в которых это общение протекает.

Фатичность, повышенная эмоциональность. Интернет-общение весьма часто проходит именно в фатической тональности (поговорить без особого смысла, информативности, просто для установления контакта и/или его поддержания, при этом часто подчеркнуто эмоционально). Эмотивность в компьютерно-медийной коммуникации настолько высока, что это «сбивает с толку» многих исследователей, которые вынуждены признать, что при отсутствии интонации, мимики, жестов в интернет-среде «виртуальные личности проявляют симпатию или враждебность, любовь и ненависть, разрывают или, наоборот, развивают отношения, достигая поразительно высокой степени интимности, доверительности и эмпатии» [Ковальская 2003: 69]. Неофициальная электронная переписка нередко приводит к виртуальным романам, по эмоцио-

нальной насыщенности не уступающим реальным. Показательно, например, такое описание виртуальной влюбленности:

148

Мы писали друг другу по два раза в день... Эти письма наркотиками стали. Если вдруг письмо не приходило – я просто задышаться начинала... Боже, мы понимали друг друга с полуслова, казалось, будто мы знакомы тысячу лет. Никогда не забуду, как он разложил все мои страхи по полочкам и угадал все мои мечты... Так вот, когда я начала понимать, что крыша моя медленно, но верно покидает свое законное место, я вдруг узнаю, что ему 16 лет. :-)...

Уже по одному этому описанию виртуального романа можно судить о высокой эмоциональной насыщенности неофициального интернет-общения. Интернет очень часто становится зоной повышенной эмоциональной насыщенности, доверительности, приватности. Такой стиль встречается в виртуальных социумах, специализирующихся на общении. Недаром в них изначально заложена возможность приватной беседы без перехода на другой ресурс. В чатах, например, обычно приняты такие приватные формы коммуникации, как «шепот» (возможность при общем разговоре отправлять любому участнику чата реплики, невидимые для остальных) и «приват» (возможность перейти в диалоговый чат «на двоих»). Примечательно, что в приватном общении не принято «карнавалить» (прибегать к мистификациям, розыгрышам, провокациям), это «внекарнавальная зона», зона правды и взаимного доверия. При этом компьютерно-медийный дискурс отнюдь не нейтрализует гендерные различия, он

оказывается таким же маркированным с точки зрения маскулинности и феминности, каким является естественный язык. Есть мнение, что виртуальная среда во многих планах более враждебна к женщине, чем к мужчине [Горошко 2004: 25]. Недаром говорят о женской модели поведения в интернете как модели коммуникативного сотрудничества, а мужской модели – коммуникативного соперничества. В целом фемининно-гендерный стиль речевого поведения в интернете состоит в эмоциональной поддержке собеседника, его положительной оценке, стремлении к сглаживанию противоречий, некатегоричности суждений, демонстрации своей слабости. Это проявляется, например, в обилии слов в переносном значении, в использовании вводных конструкций спектра «от сомнения до уверенности», многочисленных вопросов, на которые женщина ждет ответов от мужчин и т.д. Маскулинно-гендерный стиль речевого поведения в интернет-коммуникации, наоборот, заключается в выдвижении на первый план своей позиции, принижении собеседника, браваде, сарказме или по крайней мере юморе, иронии. Мужчины чаще используют вульгаризмы, инвективы, жаргонизмы, задают немного вопросов, зато отвечают на поставленные собеседником вопросы, меньше высказывают электронных извинений. В целом они более предприимчивы, активны, настойчивы, уверены в своих силах, стремятся к лидерству.

Креативность. Интернет как самая свобододлюбивая коммуникативная среда позволяет языковой личности экспериментировать с языком, делать с ним то, что немислимо с естественным языком. Для этой речевой среды характерно толерантное отношение к грамматическим

ошибкам, а также нарушения орфографической оформленности слов. Показательны в этом отношении гуляющие по сети многочисленные образцы компьютерного фольклора, демонстрирующие резкие отступления от норм литературного русского языка. *Медвед* со своим *преведом*, а также многочисленные *здарова*, *кагдила*, *пака*, *фкرواتку*, *ржунимагу* и подобные стали приметой языка рунета (так называемого олбанского языка), своеобразным «приколом», причем используемым не только в интернет-среде, но и за ее пределами. Написания *превед*, *кросавчег* и под. – это именно антиорфография, заметная только на фоне сохраняющегося в естественном языке грамотного письма (ошибка становится забавной тогда, когда пишущий твердо знает, в чем она состоит). Вообще предрасположенность к игре в самом широком смысле, отходу от действительности и ее моделированию становится нормой речевого поведения в рунете. Возможно, в нестабильном современном мире игра воспринимается как момент устойчивости, привычного порядка, когда человек чувствует себя защищенным, как в детстве. К тому же, общение в сети – это, может быть, неосознанное продолжение традиций шутовства, площадного празднества карнавального типа, скоморошества, это эпатаж, цель которого – удивить, поразить, привлечь внимание. Во всяком случае карнавальное стилирование вполне вписывается в культурный контекст времени постмодернизма. Интернет как свобододлюбивый и демократичный канал общения стимулирует языковую личность реализовывать себя разными способами, в том числе и через игру словами. Человек в рунете – действительно личность играющая, экспериментирую-

щая, креативная [см. об окказиональном в рунете: Карпова 2008].

Причастность к сообществу, коллективное авторство. С одной стороны, интернет – это среда, приспособленная для реализации отдельной языковой личности (персонифицированная, или межличностная, коммуникация). С другой стороны, языковая личность может реализовать себя максимально только в том случае, если ощущает себя причастной к определенному сообществу, когда она вписывается в субкультуру данного сообщества, будь то сообщество по досуговым интересам или профессиональное (групповая и массовая коммуникация). Огромному числу пользователей интернета уже невозможно представить себе жизнь без своих сетевых сообществ: официальных (институциональный тип дискурса) и неофициальных (личный тип дискурса). И уж если в реальной жизни человек не может уйти от одиночества, то хотя бы виртуальная реальность помогает ему это сделать. Это удается, когда человек выступает здесь и как индивидуум, и как член коллектива. Очень часто он участвует в коллективном творчестве множества авторов. Ярким примером этого является блоггерство, т.е. ведение дневника. Однако в отличие от классического дневника, индивидуального, частного, достоверного, интроспективного документа, выполняющего когнитивную функцию, передающего динамику становления и развития самосознания личности, сетевой дневник является открытым, публичным, общедоступным документом, который выполняет коммуникативную функцию, объединяет свойства личного и общественного документа, сочетает ото-

бражение реальных событий с виртуальной имитацией фактов [Новикова 2005: 12]. Блоггинг в процессе своего развития расширил свои функции: сегодня он выполняет не только коммуникативную, но и информационную и развлекательную функции. Большой популярностью пользуются блоги, освещающие политические новости, информирующие о достижениях в той или иной профессиональной деятельности (так называемая гражданская журналистика). И все это плод коллективного творчества. Коллективное авторство характерно для многих сообществ в интернете. Сетевые сообщества формируются на разных основаниях: по уровню владения компьютерными технологиями пользователи сети делятся на ламеров (самых неподготовленных), юзеров (подготовленных), профи, хакеров (самых подготовленных); по используемым сервисам для общения жители интернета называют себя «форумцами», «чатниками», «айсикьюшниками» (поскольку общаются в форумах, чатах, с помощью ICQ); по типу любимой и культивируемой игры играющие в компьютерных клубах – это «квакеры», «старкрафтчики», «фиферы»,

«гонщики». Деление на иерархические группы населения интернета возможно и по другим основаниям, однако важно то, что стратификация в киберкультуре принципиально не жесткая, открытая для личного и профессионального роста.

Итак, даже названные свойства дискурса рунета дают основание признать всемирную компьютерную сеть не просто системой хранения и передачи сверхбольших объемов информации, но и новым слоем культуры – культуры виртуального дискурса, для которого характерно размывание границ между диалогом и монологом, устной и письменной формами речи, смешение вербального и невербального кодов, русского и английского языков, демонстративное нарушение норм кодифицированного русского языка, акцентирование фатической, экспрессивной стороны общения и установка на креативность. Однако говорить о культуре и языке рунета без дифференциации его на типы дискурса (занимательный, информационный, коммерческий и т.д.) можно лишь с большой долей условности. Виртуальный дискурс такой же разнообразный, как и дискурс реальный.

summary

Σ The state of discourse of *runet* as the Russian-speaking section of internet

The report determines the basic categories (virtuality, accessibility, multi-media, interactivity, hypertextuality) forming the specificity of electronic discourse, i.e. such properties as multi-lateralability, approaching of oral and written forms of speech, compressiveness, faticity, expressivity, creativity, etc which in total determine the state (quality) of modern discourse of Russian-speaking internet – *runet*.

Литература:

- Бурвикова, Костомаров 2006: **Бурвикова Н. Д., Костомаров В. Г.** Жизнь в мимолетных мелочах. – Санкт-Петербург. – 68 с.
- Горшко 2004: **Горшко Е. И.** Гендерные особенности русскоязычного Интернета. – In: Наукові записки Луганського національного університету. – Луганск. – Вип. 5. – С. 8–30.
- Карпова 2007: **Карпова Т. Б.** Жанрово-стилевые особенности сетевых с. м. и. – In: Электронные средства массовой информации вчера, сегодня, завтра. – Санкт-Петербург. – С. 102–108.
- Карпова 2008: **Карпова Т. Б.** Окказиональное в сети Интернет. – In: Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь. – Вып. 12. – С. 197–204.
- Ким 2008: **Ким В. В.** Семиотика и научное познание. – Екатеринбург. – 416 с.
- Ковальская 2003: **Ковальская Л. Г.** Компьютерно-медийная коммуникация в современном мире: лингвистический аспект. – In: Язык. Этнос. Сознание. – Майкоп. – С. 65–77.
- Костомаров 2005: **Костомаров В. Г.** Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. – Москва. – 287 с.
- Косцов 2004: **Косцов А., Косцов В.** Толковый словарь компьютерных терминов. – Москва. – 304 с.
- Новикова 2005: **Новикова Е. Г.** Языковые особенности организации текстов классического и сетевого дневников. – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь. – 22 с.
- Рязанцева 2009: **Рязанцева Т. И.** Гипертекст и электронная коммуникация. – Москва. – 256 с.
- Трофимова 2004: **Трофимова Г. Н.** Языковой вкус Интернет-эпохи в России: Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. – Дисс. ... докт. филолог. наук. – Москва. – 480 с.
- Чернявская 2008: **Чернявская В. Е.** Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. – Москва. – 248 с.
- Шипицина 2008: **Шипицина Л. Ю.** Технические особенности компьютерно-опосредованной коммуникации их лингвистическое преломление. – In: Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования. – Москва. – С. 413–415.